

«Кесарева кесареви и Божия Богови»

Цитата как индикатор понимания языка

© Е. Е. СЕРЕГИНА

В статье рассматриваются особенности передачи церковнославянской цитаты в литературной практике писателей XIX века, приводятся примеры лексической и грамматической трансформации новозаветного выражения, оценивается степень понимания церковнославянских форм среди использующих данное выражение.

Ключевые слова: *церковнославянский язык, русский литературный язык XIX века, Священное Писание, библейский фразеологизм, архаичные словоформы.*

Цитата *Воздадите убо кесарева кесареви и Божия Богови* содержится в трех книгах Евангелия (Мф 22, 21; Мк 12, 17; Лк 20, 25). В современном русском литературном языке эта фраза используется в качестве фразеологической единицы, которая в словарях не имеет единообразного оформления – она может быть представлена как в полном варианте, так и с усечением одной из смысловых частей, обычно последней: «Кесарево – кесарю! – тот, кому принадлежит право властвовать, распоряжаться, пользуется им» [1. С. 108]. В грамматическом отношении цитируемое выражение также не имеет четко принятой фиксации, так как при цитировании могут совмещаться русские и церковнославянские формы:

«Кесарево кесарю [а божие богу (а богу богово)] [отдать (воздать)]» [2. С. 259 – 260]; или: «Богови Богу, а кесарево кесареви. Божье Богу, а цареву царю» [3. С. 263]. Обратимся к грамматическому устройству данного выражения.

Итак, фраза из евангельского текста содержит глагол в повелительном наклонении (*воздадите*), который управляет двумя параллельными конструкциями – с существительными в дательном падеже и притяжательными прилагательными в винительном падеже (*кесарева кесареви* и *Божия Богови*). Человек, вполне владеющий языком текста, легко распознает грамматические маркеры дательного и винительного падежей и поэтому отчетливо поймет, как построена фраза и какие замены падежных форм необходимо произвести для ее перевода на русский язык. Если же грамматические нормы церковнославянского языка, исходно «мертвого» в специфически-научном смысле (он никогда не использовался как средство живого общения), не актуализированы для человека, то конкретное устройство фразы может представляться ему туманным, и общепонятный смысл не будет способствовать грамматической нормализации выражения в соответствии с нормами русского языка. Вот почему зафиксированные в литературном языке XIX века попытки воспроизвести эту славянскую фразу помогают оценить, насколько ее устройство на самом деле было понятно носителям русского языка, тем более писателям, активно использующим книжно-славянскую лексику и архаичные формы в собственной практике. Иными словами, что мы увидим, если проанализируем названное, широко известное евангельское выражение как индикатор понимания церковнославянского языка в конкретном примере? Ответ на этот вопрос оказывается любопытным.

Но для начала (справочно) о том, какие падежные формы и в каком порядке использованы в церковнославянском варианте фразы. Все именные формы цитаты отмечены определенной спецификой. На первой позиции стоят притяжательные прилагательные среднего рода в винительном падеже множественного числа («отдайте что» – как «отдайте чье») – *кесарева* и *Божия*. Для носителя русского языка дело осложняется тем, что здесь прилагательные употребляются с собирательным значением, за которым в церковнославянском языке закреплена форма множественного числа. В Синодальном переводе эти прилагательные передаются в форме единственного числа – *кесарево* и *Божие* в соответствии с современными литературными нормами.

На второй позиции стоят существительные мужского рода в дательном падеже единственного числа («отдайте кому») – *кесареви* и *Богови* (в Синодальном переводе *кесарю*, *Богу*). Флексии дательного падежа *-еви*, *-ови* заимствованы из древнего типа склонения на «и краткое» и присоединяются главным образом к основам существительных, называющих лиц (это связывают с формированием в истории языка катего-

рии одушевленности). В системе русского литературного языка XIX века существительные *Богови* и *кесареви* воспринимались как морфологически экспрессивные формы в том смысле, что демонстрировали сугубую архаику, являлись маркером книжности. Яркий, выразительный состав форм дательного падежа с *ови*, *-еви*, по всей видимости, и повлиял на их устойчивость в последующих переработках цитаты, в которой эти формы существительных выступают как с исконным значением, так и в несвойственной им функции. Обратимся к конкретным примерам.

Наиболее кардинальное преобразование евангельской цитаты принадлежит А.С. Пушкину, эту фразу он использует в письме к Н.И. Гнедичу: «С подобострастием предлагаю эти стихи на рассмотрение цензуры – между тем поздравьте ее от моего имени. Конечно, иные скажут, что эстетика не ее дело; что она должна воздавать Кесареви Кесарю, а Гнедичеве Гнедичу, но мало ли что говорят» [4. С. 39]. С точки зрения выстраивания грамматических форм, существительные в дательном падеже единственного числа получают окончания, соответствующие нормам русского языка – *Кесарю*, *Гнедичу*, т.е. Пушкин верно заменил флексию архаичных форм существительных. Тогда как прилагательные выступают с аномальными флексиями для ожидаемых в данном случае форм среднего рода единственного числа – *Кесареви* и *Гнедичеве* (у Пушкина) вместо правильных *Кесарево* и *Гнедичево*.

Такой грамматический алогизм в образовании форм прилагательных может быть обусловлен несколькими причинами. Одна из них – звуковое сходство церковнославянской флексии существительного на *-еви* (*Кесареви*) и суффикса притяжательного прилагательного *-ев* (*Кесарев*). Также возможно, что подмена *о* на *е* в финале окончаний прилагательных среднего рода единственного числа (как эта форма подразумевается по нормам русского языка) появилась в связи с графическим влиянием буквы предшествующего слога (*Кесарево* – *Кесареви*), тем более легкость, быстрота и непринужденность бытового письма в какой-то степени механизировали написание.

Не менее интересна в авторской переделке замена смыслового ядра новозаветного оригинала – вместо исходного *Божия Богови* подставляется *Гнедичеве Гнедичу*. В целом для А.С. Пушкина языковые игры с именами товарищей из ближайшего окружения были не редки. Можно вспомнить известное выражение *кюхельбекерно* в шутке, приписываемой Пушкину: «За ужином объелся я, Да Яков запер дверь оплошно, Так было мне, мои друзья, И кюхельбекерно и тошно»; и еще раз в письме к В.А. Жуковскому: «На днях виделся я у Пешурова с каким-то доктором-аматёром: он пуше успокоил меня – только здесь мне кюхельбекерно...» [4. С. 182]. Отношение А.С. Пушкина к Н.И. Гнедичу было довольно сложным. В письмах подчас за учтивыми фразами прорывалось несогласие с критикой в отношении своих стихов, неоднозначно поэт отно-

силы к Гнедичу и как к переводчику «Илиады», это значит, что в этом примере нельзя исключать пушкинской иронии в отношении адресата, т.е. в той части выражения, где речь идет о Боге, используется имя Гнедича, и вместо Бога появляется «божок».

Таким образом, сосредоточенность на нюансировке смысла высказывания, а не на точной замене архаичных грамматических форм новыми, могла стать еще одной причиной появления аномальных форм. И в качестве завершающего пассажа о «нетривиальном» написании исходной цитаты у Пушкина приведем известное высказывание В.Я. Брюсова по поводу пушкинской орфографии, не снабжая его дополнительными комментариями: «Можно и должно говорить о “пушкинском правописании”, тогда как определенной орфографии, тем более самостоятельной не было не только у Жуковского, Боратынского, Дельвига, но даже и у Лермонтова. Те писали “как бог на душу положит”; Пушкин – следуя своим обдуманым взглядам на начертания слов» [5. С. 106–107].

Пример грамматической деформации евангельской цитаты находим в «Путевых записках» П.В. Анненкова: «Иисус устремляет задумчивые, но глубоко пронизательные взоры на фарисея, отвечая: “Кесарю кесареви, а богу богови”. Как важен, как строг он в эту минуту!» [6. С.]. Эта реплика в тексте относится к картине Тициана «Спаситель с монетой». Если оценивать данное выражение с точки зрения норм церковнославянского языка, т.е. допустить, что автор не передавал фразу по-русски, а стремился в определенной степени сохранить славянскую основу (тем более это выражение вводится как прямая речь), то для форм существительных *Кесарю* и *богу* Анненков выбрал употребительные и для церковнославянского и для современного типов склонения флексии дательного падежа, а вот формы *кесареви* и *богови* весьма специфичны. В соответствии со склонением имен прилагательных в церковнославянском языке они совпадают с формами мужского рода (именительно-винительный падеж множественного числа): *кесареви*, *богови*. Но и эти формы, если признать их соответствующими церковнославянским прилагательным, все равно выходят за рамки нормы: как уже отмечалось, значение собирательности в церковнославянском языке было закреплено в адъективном склонении за формами множественного числа среднего рода.

Совершенно невозможно предположить, что в составе цитаты используются только имена существительные в дательном падеже – два с исконными для данного типа склонения флексиями (*кесарю*, *богу*) и еще два с вариативным окончанием (*кесареви*, *богови*). Остается допустить, что автор «Путевых записок» использовал русский вариант фразы, то есть перевел ее с церковнославянского, а под формами *кесареви* и *богови* подразумевал притяжательные прилагательные, которые совпали с именами существительными первоисточника. Показательно, что еван-

гельская фраза в тексте «Записок» вводится как прямая речь, значит, автор полагал, что хорошо знает эту цитату, и был уверен в ее точном воспроизведении.

Однако приходится констатировать, что всеми тонкостями церковнославянской грамматики не все представители образованного класса владели в полной мере. Иначе говоря, несмотря на то, что в центре духовной жизни общества как целого позиции Православия были крепки, а литургия читалась и пелась по-церковнославянски, секуляризация зашла уже достаточно далеко, чтобы наиболее образованные люди того времени не всегда были способны точно процитировать по-церковнославянски или правильно передать по-русски известнейшее выражение. Впрочем, сохранение архаичных форм, пусть и в несвойственной им функции, могло быть намеренным приемом, сохраняющим выразительность высказывания. В целом надо отметить, что довольно произвольное соединение современных и архаичных форм фиксируется и в некоторых словарях XIX века, например, у Даля: «Богови Богу, а кесарево кесареви. Божье Богу, а цареву царю» [3. С. 263]. В этой фразе комбинируются русские и церковнославянские формы: *Богови* – по происхождению архаичная форма дательного падежа существительного, очевидно, в значении притяжательного прилагательного; *Богу* – современная форма дательного падежа существительного; *кесарево* – притяжательное прилагательное среднего рода единственного числа, соответствующее современным нормам; *кесареви* – церковнославянское существительное в форме дательного падежа.

На фоне достаточно широкой распространенности нетривиальных форм встречаются примеры грамматически выверенного построения фразы. Так, в 1854 году А.В. Никитенко в своем дневнике записал: «Вот, например, М. – человек с замечательным умом, учившийся у нас в университете, – как скоро занял значительное место, так и стал кривиться на один бок. Прежде это была светлая голова, воздававшая Божие Богови и кесарю кесарево, понимавшая и дело и мысль, движущую делами, а теперь он чуть ли не гонитель науки». Передача новозаветной цитаты в дневниковой записи выстроена автором тщательно и продуманно: он употребляет церковнославянскую форму существительного в дательном падеже лишь в одном слове – *Богови*, которое в таком виде сохраняет связь с первоисточником и маркируется как сакральное. Все остальные формы безукоризненно соответствуют нормам русского литературного языка. Александр Васильевич Никитенко являлся профессором кафедры русской словесности Санкт-Петербургского университета и одним из авторов цензурного законодательства. Посвящая значительное время цензурной работе, он не только отслеживал «общее направление умов», но и профессионально «чувствовал» грамматику и семантику текста, подчас сам сталкивался как цензор с примерами

неправильного понимания славянизмов, что также нашло отражение в его дневниковых записях.

Итак, в литературном языке середины XIX века складывается двойственное отношение к церковнославянскому наследию. Писателями осознавалась неразрывная генетическая связь церковнославянского языка и русской словесности, так как использование славянизмов являлось неотъемлемой частью их языковой практики. Вместе с тем развивалось и другое направление – практика переводов с церковнославянского языка на русский, а это свидетельство того, что значительная часть архаичной лексики, устаревших грамматических форм и синтаксических конструкций в текстах Священного Писания для многих была затемнена. Поэтому образованные люди эпохи не всегда могли ясно воспринять и точно передать наиболее сложные церковнославянские формы, даже если речь шла о самых известных выражениях. Об этом свидетельствует описанный в статье частный грамматический случай, связанный с воспроизведением евангельской цитаты. Кто-то не вполне понимал грамматическую конструкцию первоисточника из-за скопления специфических церковнославянских форм и поэтому не мог ее точно передать; кто-то, видимо, понимал церковнославянскую специфику и мог бы компенсировать ее современными нормами, но по каким-то причинам путал грамматические конструкции; кто-то находил сохранение архаичных форм (напр., дат.п. сущ. *богови*) более выразительным приемом, чем полностью русифицированный вариант цитаты. Мотивы могли быть разными, но процесс двигался в одном направлении – ряд грамматических форм церковнославянского языка становился все более «затемненным» для понимания даже среди людей образованного класса, причастных к литературному процессу.

Литература

1. Фразеологический словарь русского языка / сост. А.Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. М., 2007.
2. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1988.
3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. II.
4. *Пушкин А.С.* Собр. соч. В 10 т. М., 1977. Т. 9.
5. *Брюсов В.Я.* Собр. соч. В 7 т. М., 1975. Т. 7.
6. *Анненков П.В.* Путевые записки. М., 1983.
7. *Никитенко А.В.* Дневник. В 3 т. М., 1955. Т. 1.

*Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет
Москва*